

**Проблема интерпретации экспериментальных данных социальной психологии
в этике**

Научный руководитель – Углева Анастасия Валерьевна

Долматов Антон Владимирович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия
E-mail: antondolmatov00@gmail.com

Социальная психология, ставшая во второй половине XX века одним из доминирующих направлений исследований в психологии, предлагает совершенно новую, во многом контринтуитивную концепцию психики и поведения человека. Чтобы подчеркнуть радикальный характер различий между обыденными представлениями о человеке и теми выводами, к которым пришли социальные психологи, Л. Росс и Р. Нисбетт предлагают аналогию с обыденной физикой (lay physics) и научной физикой (professional physics) [Росс, Нисбетт, 1999: 41]. Пренебрежение различными внешними условиями и чрезмерное внимание к внутренним свойствам предмета роднят как обыденную физику, так и психологию. Научная же физика, как и научная социальная психология, предлагают обратить внимание скорее на те силовые поля, в которых находятся тела. В случае с человеческим поведением, таким силовым полем является субъективно интерпретируемая ситуация, которая определяет поведение в большей степени, чем какие-либо диспозиционные характеристики индивида.

Неудивительно, что современная этика с интересом следит за развитием социальной психологии. Эксперименты Аша, эксперимент «Добрый самаритянин», эксперименты Милгрэма и др. давно стали частью учебных курсов по этике, обсуждаются в многочисленных статьях и монографиях. Хотя этические импликации из этих экспериментов кажутся очевидными, стоит отметить, что обращение к данным любой науки в философском исследовании является проблематичным. Даже хорошее знакомство с какой-либо научной дисциплиной, позволяющее читать профессиональную литературу, как правило, не позволяет критически оценить описание самих экспериментов. Практикующий ученый-экспериментатор обладает практическим знанием о критериях достаточности выборки, о степени возможного обобщения для некоторых данных, о возможности манипуляции с данными во время проведения экспериментов и т.д. Такое знание является не столько результатом обучения в университете, сколько неявным обобщением собственного опыта, которого у философа, никогда не организовавшего собственных экспериментов, быть не может. В результате приходится опираться на обобщенное мнение научного сообщества в надежде, что если бы существовали проблемы в самом проведении эксперимента, то на них указали бы представители самого научного сообщества. Но насколько обоснованным может быть такое доверие?

Обозначенная проблема становится особенно актуальной в связи с выходом в 2018 году книги Т. Ле Тексье «История одного обмана: расследование стэнфордского тюремного эксперимента». Известнейший эксперимент в истории социальной психологии, проведенный в 1971 году Филиппом Зимбардо, ставшим впоследствии президентом американской психологической ассоциации, по результатам проведенного расследования, содержал множество нарушений, которые практически сводят на нет его научную значимость. Так, одно из центральных утверждений Ф. Зимбардо, что жестокое поведение «охранников» было спровоцировано лишь самой ситуацией, что участники эксперимента не получали указаний о

том, как им стоит себя вести («мы провели для них краткий курс; никаких определенных инструкций о том, как действовать, они не получили. Главное — обеспечивать порядок, не применять насилия к заключенным и не позволить им бежать» [Зимбардо, 2014: 68]), оказывается ложным. Т. Ле Тексье указывает на ряд обстоятельств, которые прямо противоречат словам Ф. Зимбардо. Во-первых, охранникам сообщают об основной гипотезе эксперимента, а их собственной задачей становится создание в экспериментальной тюрьме особой психологической обстановки. Во-вторых, охранники получают списки, в которых указаны необходимые действия для «дегуманизации» заключенных, в которых, к примеру, указано их раздевание. Описывая это сцену в своей книге, Ф. Зимбардо умалчивает, что охранники следовали его же инструкциям [Зимбардо, 2014: 81]. Далее, приводятся свидетельства одного из охранников, что в ходе самого эксперимента Зимбардо вмешивался, передавая указания действовать более жестоко наиболее «мягким» охранникам. Теперь известно о системе денежного поощрения жестоких охранников и наказания тех, кто терял свой авторитет среди заключенных (от предупреждения до потери возможности претендовать на финансовое поощрение в будущем) [Le Texier, 2018].

Расследование стэнфордского тюремного эксперимента стало возможным после передачи документов, фиксировавших проведение эксперимента в Стэнфордскую библиотеку, где они стали доступны широкому кругу исследователей [см. Fake science . . .]. В данном случае речь идет об исключительно масштабном нарушении процедур проведения эксперимента, который не должен рассматриваться как аргумент в пользу скептицизма в вопросе о роли данных науки в философских исследованиях. Скорее, это расследование должно способствовать более критическому и осторожному отношению к экспериментальным данным в целом, даже если они и не являются результатом какого-либо недобросовестного отношения экспериментатора.

Предложенное критическое отношение должно привести к пересмотру и некоторых конкретных философских выводов, основанных на доверчивом отношении к экспериментальным данным. Гильберт Харман, к примеру, развивает критику этики добродетели, основанной на понятии характера (*character based virtue ethics*), которая целиком заключается в интерпретации данных социальной психологии. Его выводы стоит считать если и не ложными, то точно недостаточными [Harman, 1999]. Более того, возможно предложить и такую интерпретацию данных социальной психологии, что этика добродетели окажется наиболее совместимой с выводами ученых о человеческом поведении. Этика добродетели, о которой в данном случае идет речь, безусловно, остается объектом и настоящей философской критики за неясность практических следствий (каким образом в рамках этики добродетели можно предложить разрешение проблем прикладной этики), за телеологизм (возможно ли собственно философское использование понятия добродетели без постулирования целей человеческой жизни), за отсутствие ясной логики в составлении «списков добродетелей» и т.д. Но эти возражения не построены на доверии чужому научному сообществу, а являются результатом собственно философской аргументации, которые открывают возможности для содержательной дискуссии.

Источники и литература

- 1) Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., Альпина нон-фикшн, 2014.
- 2) Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М., Аспект Пресс, 1999.
- 3) Fake science, или Правда о Стэнфордском эксперименте. Интервью с Тибо Ле Тексье. URL: <https://syg.ma/@ella-diubua/fake-science-ili-pravda-o-stenfordskom-ekspierimientie> (дата обращения: 07.02.2018).

- 4) Harman G. Moral Philosophy meets Social Psychology: Virtue Ethics and the Fundamental Attribution Error. // Proceedings of the Aristotelian Society, Vol.99, 1999, pp. 315-331.
- 5) Le Texier, T. Histoire d'un mensonge: enquête sur l'expérience de Stanford. Paris, Zones, 2018. URL: <https://www.editions-zones.fr/lyber?histoire-d-un-mensonge#ntf-246> (дата обращения: 07.02.2018).